

только одни караульщики, что по городovým и по острожным воротам, и бежать в [равилой] в степь, мимо Тары на Волгу и в Литву, винулись.

И мы, холопы твои, за такую великую измену, и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле были большие пущие заводчки, десять человек, велели повесить.

Ис конных Ивашка Петрова сына Белиловца, нежинца Мосящку Голещецкого, да ис пеших, государь, Софронка Стасейского, нежинца Кондрашку Михайлова, казака из Носовки Тимошку Левонтьева, Гаврилка Гришина, нежницкого повета Ивашко Степанова, прозвище Басав Спиволона, Петрушку Салтыковского Востиславского повету, да из пашенных, государь, из новоприсыльны, литвина ж, Софронка Иванова, да моего холопа твоего Никитки, чеовека, литвина ж, Зеновка Левонтьева, да дву человека Ивашку Краснопольсково // (л. 268) у которого, государь, был завод и совет, да затинщика Ваську Борисова велели казнить смертною казною.

А что, государь, те воры, которых казнили и которые, государь, посажены в тюрьму, в роспросе и пытки говорили, и те, государь, распросные и пыточные речи послали мы, холопы твои, к тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве с томским сыном боярским Левонтием Полтевым, да с томскими служилыми людьми с Агейком Чижовым, да с Федькою Засудиным с товарищи, Да и во многих, государь, в Томском в ссыльных, в литовских и русских людях, в донских и в волских казаках, и в пашенных крестьянах о побеге шатость, а [только] государь, по твоему государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу в Томской и Томского разряда остроги будут ссыльные литовские, и русские воровские люди в служилые и в пашенные крестьяне, и с тех, государь, воровских ссыльных людях опроче дурна и воровского заводу некоторого добра не чают.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 265–268.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI – начала XX в. в англо- и германоязычной историографии: основные концепции и подходы к изучению // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 3–7.
2. *Резун Д.Я., Соколовский И.Р.* О «литве» в Сибири в 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 22–64.
3. *Каменецкий И.П.* Выходцы из белорусских земель на службу в Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 12–16.
4. Отрывки дневника о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632–1634 // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1.
5. *Gierowski J.* Historia Polski. 1505–1864. Warszawa, 1978. Т. 1.
6. *European Warfare 1494–1660* / ed. Jeremy Black. Palgrave, 2002.
7. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской литвы в 1834 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1894. 8 кн. (Отд. отт.)

Статья поступила
в редакцию 11.11.2013

УДК 930 (57)“15/19”

Д.А. АНАНЬЕВ

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XX вв.): ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

На протяжении нескольких столетий в Сибири формировался сложный полиэтничный социум, объединивший в себе представителей самых разных народов, в том числе выходцев из белорусских, украинских и польских земель (до 1917 г. – западных окраин Российской империи). Перед сибиреведами стоит задача более глубокого изучения истории межэтнических контактов и той роли, которую сыграли в колонизации региона представители различных этнических групп.

Наряду с отечественными специалистами изучением этой темы активно занимаются специалисты из Польши, Беларуси, Германии, США, других стран. Автором настоящей статьи предпринята попытка выявить основные подходы зарубежных исследователей к изучению исторических связей между Сибирью и западными окраинами Российской империи и определить перспективы дальнейшей научной разработки темы. Анализ проблематики исследований показал, что в зарубежной сибиреведческой литературе судьбы выходцев из западных окраин империи рассматриваются, как правило, через призму истории каторги и ссылки; массовых крестьянских переселений за Урал; проблем этносоциального и конфессионального развития. Особое внимание при этом уделяется периоду XIX – начала XX в., когда приток переселенцев из европейской части России в Сибирь стал наиболее массовым.

В течение последних десятилетий в зарубежной историографии, посвященной данной теме, происходило постепенное смещение акцента с поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «модернизационного» подхода) к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, проблемам «национальной идентичности», специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства». На современном этапе более глубокому изучению истории межэтнических отношений и выяснению действительной роли украинцев, белорусов, поляков в процессе освоения Сибири могут способствовать совместные исследовательские проекты, предполагающие объединение усилий представителей различных историографических школ и направлений.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, колонизация, модернизация, украинцы, поляки, белорусы, ссылка и каторга.

Судьбы выходцев из западных окраин империи рассматриваются в сибиреведческой зарубежной литературе, как правило, через призму истории каторги и ссылки, массовых крестьянских переселений за Урал, а также особенностей этносоциального и конфессионального развития. Особое внимание посвящается периоду XIX – начала XX в., когда приток переселенцев из европейской части России в Сибирь стал наиболее массовым.

Проблемы истории политической ссылки в Сибирь привлекали внимание многих современных историков – в первую очередь представителей польской историографии [1–7]. По замечанию А. Новака [8], подход, в рамках которого империя (царизм) рассматривается прежде всего как система угнетения и преследований, провоцирующая ответную реакцию со стороны представителей польского общества, после 1989 г. нашел наиболее полное воплощение в работах В. Сливовской [9; 10], которая, впрочем, отмечала, что сибирская ссылка была мягче, нежели ссылка в британские и французские колонии [11].

Заметный вклад в изучение темы внесла другая польская исследовательница – Э. Качиньская, анализирувшая карательные меры и системы заключения в Царстве Польском, а также историю ссылки и каторги в Сибири с позиций «модернизационного» подхода [12]. В статье, написанной Э. Качиньской совместно с Б. Грушинской и опубликованной в 1990 г., показано, как изменения в системе наказаний Российской империи отражали процесс модернизации государственного управления и эволюцию общественно-политической мысли [13]. Авторы отметили, что в течение XIX в. в России наблюдалась общая тенденция к смягчению законодательства и депенализации общественно опасных деяний. Среди всех видов наказаний наиболее распространёнными становились штрафы. В то же время особенностью России стало сохранение и развитие системы ссылки и каторги. В эпоху «великих реформ» Александра II пенитенциарная система также была модифицирована, хотя реформы проводились непоследовательно и с задержками.

По данным польских исследовательниц, до 1860 г. среднегодовое число ссыльных в Сибирь составляло 5,3–10 тыс. чел.; позже данный показатель вырос до 13,8 тыс. чел. и достиг максимума в 18 тыс. чел. в 1881–1885 гг. В сравнении с основной массой свободного населения Сибири количество ссыльных в XIX в. сократилось: в конце XVIII в. оно составляло 16 %, тогда как в середине XIX в. – 6,9 % от общей численности населения. Политические ссыльные играли огромную роль в истории Сибири. Однако с точки зре-

ния статистики это была лишь горстка людей в общей массе преступников, за исключением 1860-х гг., когда в Сибирь прибыли более 12 тыс. участников Январского польского восстания. Но и тогда их доля не превысила 2,5 % от общего числа ссыльных, уже проживавших в Сибири.

Американский историк Э. Джентес, основываясь на данных из работ Л.П. Рошевской, В.Н. Дворянова, П.И. Казаряна и других, сообщает о 18–24 тыс. политических ссыльных, оказавшихся в Сибири после восстания 1863–1864 г. [14]. Историк пришел к выводу, что приток в Сибирь участников Январского восстания привел к коллапсу всей инфраструктуры системы ссылки, и, как следствие, к вынужденному смягчению наказаний и серии амнистий (хотя официальная политика, направленная на ужесточение борьбы с преступностью, способствовала общему росту количества ссыльных). Правительство также рассчитывало на сибирское крестьянство, которое в случае необходимости должно было оказывать ссыльным помощь. Кроме того, многие участники восстания принадлежали к «благородному сословию» и пользовались особым расположением со стороны местных сибирских властей, тем самым доказывая, что даже «бунтовщики» могли рассчитывать на привилегии в силу социального происхождения. Другим обстоятельством, оказывавшим смягчающее действие, была реакция международной общественности и русских интеллектуалов в самой России.

В то же время Э. Джентес не склонен поддерживать сторонников теории «модернизации», высоко оценивающих либеральные реформы XIX в., поскольку, по его мнению, такие исследователи остаются в плену позитивистского подхода. В представлении американского историка, позитивисты ищут закономерности, ключевые факторы и «вехи» в истории (такими вехами в истории общества можно считать, например, реформы), знаменующие поступательное и линейное развитие исторического процесса в целом и национального государства в частности. Э. Джентес ставит под сомнение идею общественного прогресса, при этом считает более реалистичным путь, ориентированный на самосовершенствование каждого индивида [15, р. 220]. В целом концепция Э. Джентеса соответствует преобладающим тенденциям в современной западной историографии, ориентированной на «индивидуализацию» исторического исследования (с повышенным интересом к субъективным эпистемологическим установкам самого исследователя) и преимущественное внимание к специфическому, а не типическому.

Особенности объекта исследования акцентируются в рамках «цивилизационного» подхода, представители которого в польской историографии освещали процесс вовлечения поляков в различные сферы жизнедеятельности сибирского общества, в том числе их участие в деятельности местной администрации, общественной жизни, научном изучении региона, культурное взаимодействие поляков и сибиряков [16].

В ряде работ затрагивалась история межконфессиональных контактов русских и поляков. В частности, сотрудница Гданьского университета Анна Пек опубликовала исследование по истории иезуитской миссии в Иркутске (1812–1820). Она пришла к выводу, что российские власти дали согласие на учреждение миссии, поскольку полагали, что возможность отправления христианских обрядов побудит выходцев из западных регионов империи навсегда остаться в Сибири, что, в свою очередь, должно было способствовать дальнейшей колонизации края и упрочению контроля России над территориями, прилегавшими к границе с Китаем. Со своей стороны, иезуиты были заинтересованы в восстановлении собственных миссий в империи Циннов. По определению А. Пек, история миссии показала, как «китайская мечта» поляков-иезуитов разбилась о политические и конфессиональные реалии России [17].

История крестьянских переселений в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. анализировалась зарубежными исследователями также с позиций «модернизационного» и «цивилизационного» подходов. Известная американская исследовательница Барбара Андерсон в монографии «Внутренние миграции в эпоху модернизации в России XIX века», опубликованной в 1980 г., подвергла проверке собственное предположение о том, что ключом к пониманию причин миграций является регион происхождения мигрантов. Именно там потенциальные переселенцы испытывают определенное воздействие внешней среды, в результате чего у них формируется представление о новом, более предпочтительном для них месте проживания. Б. Андерсон предположила, что бедность и перенаселение сами по себе не вынуждают людей покидать свои деревни и перебираться в город. Для таких миграций требуется «современное» («модерновое») мировоззрение, желание изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир: только после этого люди захотят переселиться в другой, более развитый регион [18].

Для Российской империи конца XIX в. Б. Андерсон выстроила целую иерархию регионов (мест назначения), привлекавших наибольшее число мигрантов: наиболее отсталой была Азиатская Россия, более развитым – Урал и Донбасс, далее – некоторые города Европейской России, Санкт-Петербург и Москва. Вместе с тем каждый регион происхождения мигрантов оценивался по определенным критериям: плодородность почвы (аналог «устойчивой аграрной традиции»); естественный прирост населения (критерий демографического давления или перенаселен-

ности), грамотность (критерий «современности»), соотношение доли слуг и наемных рабочих (аналог «оплачиваемого труда» – атрибута «современности») и, наконец, удаленность от конкретного места назначения. Как заметил в своей рецензии на работу Б. Андерсон американский историк Игорь Стебельски, этнический состав населения не был одной из «переменных», анализируемых исследовательницей, что не позволило ей сравнить модели миграций, к примеру, русских и украинцев [19].

Анализируя миграционные потоки, в том числе в Азиатскую Россию, Б. Андерсон установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности, а также высокой долей населения, занятого в промышленности, что подтверждало ее гипотезу о роли фактора «модернизации». Напротив, переселения продемонстрировали устойчивую отрицательную связь с естественным приростом населения, что опровергает аргументацию многих исследователей, полагавших, что отток населения был вызван демографическим давлением.

Используя статистику переселений за 1885–1909 гг. и сопоставляя два периода (1890–1894 и 1905–1909 гг.), Б. Андерсон выявила западный вектор смещения регионов происхождения тех, кто переселился в Азиатскую Россию. Учитывая, что это смещение происходило в сторону регионов с более развитым сельским хозяйством и столкнувшихся с проблемой перенаселения, Б. Андерсон предположила, что с течением времени фактор грамотности утрачивал прежнее значение, тогда как фактор демографического давления становился все более существенным. Высокий уровень миграций в Сибирь в 1890–1894 гг. обеспечили те губернии Европейской России, где была выше доля государственных крестьян (бывших однодворцев).

К 1905–1909 гг. основной приток мигрантов обеспечивали белорусские и малороссийские губернии, где преобладало подворное землевладение и успешно проводились в жизнь столыпинские реформы. Исследование также показало, что белорусские и русские крестьяне предпочитали переселяться в лесную зону Сибири, тогда как украинцы, в 1897 г. составлявшие 20 % всех переселенцев в Азиатскую Россию, обычно предпочитали селиться в более теплых приморских или степных районах. Впрочем, Б. Андерсон рассматривала ситуацию в Азиатской России в целом, не объясняя причины таких культурных различий. Вслед за И. Стебельским отметим, что американская исследовательница не уделила достаточного внимания фактору культурных предпочтений переселенцев.

Значение культурных и этнических особенностей сибирских колонистов подчеркивал немецкий исследователь А. Каппелер, изучавший историю формирования украинской диаспоры за пределами собственно малороссийских губерний Российской империи [20]. Он подчеркнул, что несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири

и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности. Поначалу украинские крестьяне проживали в закрытых, позднее – в этнически смешанных поселениях вместе с русскими, но никогда не селились вместе с татарами или казахами. Долгое время обязательным правилом для украинских переселенцев были внутриэтнические браки. Впрочем, исследователь признавал определенное взаимовлияние восточнославянских колонистов и казахов: часть местных кочевников переходила на оседлый образ жизни, тогда как выходцы из западных губерний России переняли у коренного населения Сибири и Северного Казахстана некоторые приемы скотоводства.

В целом для современных зарубежных исследователей, изучавших исторические связи западных и восточных окраин Российской империи, можно отметить постепенное смещение акцента с поиска универсальных схем исторического процесса (например, в рамках «модернизационного» подхода) к более пристальному изучению этнокультурных аспектов колонизации, проблемам национальной идентичности, специфике «цивилизационного» развития и «империостроительства». Как представляется, на современном этапе более глубокому изучению истории межэтнических отношений и выяснению действительной роли украинцев, белорусов, поляков в процессе освоения Сибири могут способствовать совместные исследовательские проекты¹, предполагающие объединение усилий представителей различных историографических школ и направлений; привлечение более широкой источниковой базы; применение разнообразного методологического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шостакович Б.С. Итоги историографической разработки истории ссылки в Сибирь участников Январского восстания и задачи дальнейшего изучения темы // Проблемы российско-польской культуры и культурный диалог: материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 107–121.
2. Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001.
3. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012.
4. Niebelski E. Tunka. Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku. Wrocław, 2011.

5. Серак Е.В. Ссылка в Сибирь участников восстания 1863–1864 гг. из Могилёвской губернии // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26–27 чэрвеня 2013 г. / уклад. А. М. Бацкоў, І. А. Пушкін. Магілёў, 2013.

6. Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / pod red. Wiesława Cabana, Wiktorii Śliwowskiej. Kielce, 2005.

7. Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского восстания 1863–1864 гг.: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 26–30 сентября 2007 г.). Иркутск, 2008.

8. Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание. Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии). С. 429–464.

9. Śliwowska W. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1990.

10. Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów-zesłańców postyczniowych: Wilno, Sybir, Wiatka. Warszawa, 2000.

11. Brus A., Kaczynska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa, 1992.

12. Kaczynska E. Syberia: największe więzienie świata (1815–1914). Warszawa, 2000.

13. Gruszczynska B., Kaczynska E. Poles in the Russian Penal System and Siberia as a Penal Colony (1815–1914): A Quantitative Examination // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 1990. Vol. 15, N 4 (56). P. 95–120.

14. Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd. 51, H. 2. P. 197–217.

15. Gentes A. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

16. Оплаканская П.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

17. Peck A. Between Russian Reality and Chinese Dream: The Jesuit Mission in Siberia, 1812–1820 // The Catholic Historical Review. 2001. January. Vol. 87, N. 1. P. 17–33.

18. Anderson B.A. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1980.

19. Stebelsky I. Rec. ad op.: Barbara A. Anderson. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1980 // Harvard Ukrainian Studies. 1982. September. Vol. 6, N. 3. P. 421–423.

20. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1997. Bd. 45, H. 1. P. 48–63.

21. Белорусы в Сибири: сб. статей. Новосибирск, 2000.

22. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001.

Статья поступила
в редакцию 14.11.2013

¹ Примером успешного сотрудничества в данной сфере может служить совместная работа белорусских и сибирских историков в рамках научно-исследовательского проекта «Белорусы в Сибири. XVII–XX вв.», который осуществлялся в начале 2000-х гг. согласно соглашению о научном сотрудничестве Сибирского отделения РАН и Национальной Академии наук Беларуси, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Белорусского фонда фундаментальных исследований (подробнее см.: [21; 22]).